

Из пережитого. — Воспоминания¹
Херсонская санитарная организация

Н. И. Тезяков.

В 1889 г. я начал свою работу в Херсонской губернской сан. организации в роли сан. врача Александрийского уезда. Все здесь было ново, для человека, выросшего в горах и лесах, и эти бесконечные безлесные степи, и многочисленные помещичьи владения с массою наемных пришлых рабочих, и само население края с преобладанием украинцев, с их ласкающим, но чужим для меня языком, и, наконец, само земство — дворянское по преимуществу. Но теперь, оглядываясь на прошлое, на всю восьмилетнюю работу в Херсонской губ., я не могу не признать, что на протяжении моей 40-летней врачебно-общественной деятельности херсонская страница является наиболее содержательной. И если позволительно самому учитывать, что тот или иной период твоей жизни был положительным и для общего дела, то херсонская работа должна быть признана наиболее положительной.

На территории земской России тогда лишь Московское и Херсонское губ. земства имели полные санитарные организации. Во главе Московской организации тогда стояли Ф. Ф. Эрмишин и Е. А. Осинцов, во главе Херсонской — здравствующий и поныне М. С. Уваров. Каждая из этих организаций имела свои особенности. В частности, Херсонская, с сан. врачом в каждом уезде, была тесно связана со всею уездной медициной, дополняя ее лечебную организацию. Каждый из сан. врачей, принимая самое близкое живое участие в строительстве участковой земской медицины, обрабатывал ежегодно к земскому собранию материалы о работе участковых врачей, карточные данные о заболеваемости и смертности и, выдвигая перед земским собранием те или иные медико-организационные вопросы, тем самым выполнял организационно-руководящую роль.

Херсонская санитарная организация всею своею деятельностью, несомненно, способствовала улучшению участковой медицины в губернии. По уездам разрабатывалась (что тогда было новостью) нормальная сеть врачебных участков, и не только разрабатывалась на бумаге, но и проводилась в жизнь; фельдшеризм, очень сильный в Пермской губ.² и других северных земствах, здесь уже уступал свою роль врачебным организациям, и были уезды, как, напр., Елизаветградский, где в 1889 г. не было ни одного фельдшерского самостоятельного пункта. В рядах губернской санитарной организации, помимо ее руководителя М. О. Уварова, были выдающиеся работники, О. Н. Караманенко, ныне умерший, П. Н. Дятров, ставший затем профессором Московского университета, А. В. Корчакевич и Курковскый, ныне академик Киевской академии, и др. Позднее ряды эти пополнились новыми санитарными врачами: П. Ф. Кудрявцевым, В. В. Хижняковым, И. Н. Козубовым и др. С Херсонской санитарной организацией связано и имя проф. И. Т. Мечникова, создавшего в Одессе первую в России бактериологическую земско-городскую станцию.

Когда летом 1889 г. я начал свою работу в новой для меня, еще не сразу определенной обстановке уездного сан. врача, в качестве члена губернской самостоятельной санитарной организации, от нее получающего задания, передо мной встали две очередные задачи: 1) по заданиям Пироговского О-ва нужно было срочно составить 25-летнюю историю земской медицины в уезде и 2) начать санитарные обследования наемных рабочих в частных сельскохозяйственных экономиях. Первая задача трудностей не представляла и требовала лишь времени, чтобы разобраться в отчетах и архивах земской управы; работа была к сроку закончена. Вторая работа была для меня труднее, как для нового в этом человека, выросшего среди горнозаводской уральской обстановки и до сего времени работавшего в роли земского врача в крестьянском земстве. Работа эта, стоявшая очередной в программе Херсонской губ. организации, еще никем из херсонских сан. врачей пока не была начата. Работа эта с первых же шагов полностью захватила меня. В экономиях, где я начал свои обследования, работало иногда по несколько паровых молотилок с сотнями и тысячами наемных, всегда пришлых, рабочих из Киевской, Полтавской и др. губерний. Эти массы рабочих, мужнины и девушки, размещавшиеся по казармам, питались от экономии, работая в общем по 15—17 часов в сутки. Пища, хотя и достаточная, быть может, по количеству, но однообразная — черный хлеб, щи с таранью, с мясом и каша. Наши обследования должны были охватить все стороны жизни в экономиях рабочих с характеристикою их заболеваемости. Своими работами мы думали улучшить положение сельскохозяйственных рабочих в частных экономиях. Мой первый опыт показал всю антигигиеническую обстановку, среди которой шла работа в этих богатых сельскохозяйственных, капиталистического характера, экономиях. Рабочие организованным порядком эксплуатировались здесь во всю. Среди рабочих было не только много девушек в 16—18-летнем возрасте, но встречались и артели подростков, среди которых были дети 12—14 лет. Моя первая работа, в том же году была обработана и напечатана в «Земском Враче» под названием «Материалы к гигиене сельских рабочих на юге России».

В конце того же 1889 г. я перешел из Александрийского уезда сан. врачом в соседний Елизаветградский уезд, где и оставался до конца своей деятельности в Херсонской губ. Обследование сельскохозяйственных рабочих, начатое мною в Александрийском уезде, продолжалось в последующие годы и в Елизаветградском уезде. Отношение санитарной организации к этому вопросу не ограничилось только обследованием сельскохозяйственных экономии. В программу обследований входило обследование рабочих во время прихода, т. е. появления их на рынках найма. Чтобы подойти к

¹ В распоряжении редакции имеется обширная рукопись покойного Н. И. Тезякова, однако из наиболее крупных сан. работников земского периода русской медицины, под общим заголовком «Из пережитого — Воспоминания».

² Где раньше работал Н. И. Тезяков. *Ред.*

³ В распоряжении редакции имеется обширная рукопись покойного Н. И. Тезякова, однако из наиболее крупных сан. работников земского периода русской медицины, под общим заголовком «Из пережитого — Воспоминания». Редакция считает возможным поместить на страницах «Гиг. и Эпид.» отдельные главы из этой рукописи, и представлению наибольший общественный интерес, и освещающие различные периоды развития русской сан. мысли и деятельности. В данном очерке Н. И. Тезяков дает характеристику «херсонского» периода своей работы; в следующих очерках идут «воронежский период» и «саратовский». *Ред.*

⁴ Где раньше работал Н. И. Тезяков. *Ред.*

этому обследованию, необходимо было сделать учет, откуда приходят рабочие для найма на сельские работы в экономии, в каком виде они приходят, чтобы затем уже обследованием их во время пребывания уяснить их профессиональную заболеваемость. Нужно было создать для этого подходящие условия. Условия эти Херсонской санитарной организацией и были созданы путем открытия лечебно-продовольственных пунктов в местах найма сельскохозяйственных рабочих. Такие пункты позднее получили широкое распространение не только в Херсонской губ. но и в Екатеринославской, Самарской, Саратовской и др. губерниях. Первый опыт открытия такого пункта был произведен Херсонской санитарной организацией в 1890 г. в Таврической губ., в Николаевскую ярмарку, куда обычно стекалось для найма свыше 30 тысяч рабочих, прибывающих сюда большей частью водой по Днепру галерами, обычными лодками, пароходами и т. д. В основе такого пункта лежали оказание рабочим бесплатной медицинской помощи и выдача дешевой горячей пищи в специально открываемых амбулаториях и столовых. Конечной целью открытия таких пунктов была поголовная регистрация на специально составленным картам всех приходящих на рынок рабочих с учетом, куда и сколько из них нанялось, на какие сроки и за какую плату. Программа затрагивала, таким образом, не только медицинскую сторону дела, но и экономические вопросы. Опыт Каховского лечебно-питательного пункта оказался удачным, на работу туда и выехали почти все мы сан. врачи Херсонской губ. во главе с У в а р о в ы м .

Организация таких пунктов, с характером уже как бы рабочей биржи, покрыла вскоре целую сеть всю губернию, захватив все сколько-нибудь значительные рынки в нашей губернии, как то: Знаменку, Елизаветград, Березовку, Вознесенск, Голту, Бобринец, Одессу, Николаев, Кривой Рог п т. д. В работе этой принимала участие вся санитарная организация, но мне пришлось как бы стать во главе этого дела, в общегубернском масштабе, обрабатывая все материалы и выступая с докладами. Первою общегубернской обработкой такого материала был мой доклад XII губернскому съезду Херсонских врачей в 1891 г. Доклад этот, изложенный на 100 печатных страницах, озаглавленный «Сельскохозяйственные рабочие вообще и пришлые, в частности, в Херсонской губ. в санитарном отношении», обнимал все собранные материалы о пришлых рабочих в губ. как по их регистрации на рынках найма, так и по данным обследования сельскохозяйственных экономий. Съезду был предложен и им принят ряд мер, направленных к улучшению положения рабочих в экономиях. Часть этих мер затем санкционировало губернское земское собрание.

Организация лечебно-продовольственных пунктов продолжалась и во все последующие годы, как равно продолжались обследования помещений рабочих в сельскохозяйственных экономиях. Работы эти постепенно расширялись и углублялись; так, напр., был выдвинут впервые вопрос об изучении столь частых среди сельскохозяйственных рабочих повреждений при работе с сельскохозяйственными машинами и орудиями. В этой области сан. организацией стали вырабатываться и предохранительные меры. Этому вопросу позднее, когда я уже был вне Херсонской организации, сан. врачом была посвящена специальная работа. В 1896 г. Херсонским губ. земством была издана следующая моя работа под заголовком «Сельскохозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора». Эта работа получила затем одну из премий, из учрежденных Харьковским земельным банком при Харьковском университете. Работы по изучению санитарных условий жизни и работы пришлых сельскохозяйственных рабочих нами были вынесены за пределы губернии. Так мною были сделаны доклады на IV и V Пироговских съездах, последний из которых был созван в 1896 г. в Киеве, центре губернии, дающей большие цифры сельскохозяйственных рабочих. Все положения докладов были единодушно съездами приняты.

Широкие массы и особенно чуткая наша молодежь заинтересовались нашими работами. Они им показывали, что капиталистический строй делает в области сельского хозяйства и как у нас крепнет сельскохозяйственное капиталистическое производство, так широко и властно эксплуатирующее пришлых сельскохозяйственных рабочих. Чуткая студенческая молодежь рвалась на работу к нам на лечебно-продовольственных пунктах; среди тогдашних наших сотрудников вспоминаю многих, работающих теперь на ответственных постах, как, напр., И. С. В е г е р а, В. П. К а щ е н к о и др.

Здесь же с чувством глубокого интереса не могу не отметить ссылку на мои херсонские работы В. И. Л е н и н а в его «Аграрном вопросе в России к концу XIX века» (стр. 57, изд. 1918 г.), где В. И. писал: «в районе наибольшего прихода рабочих сложились к концу XIX века довольно крупные капиталистические предприятия в земледелии». Капиталистическая кооперация сложилась при употреблении, напр., таких машин, как молотилки. Т е з л о в , описавший условия жизни и труда сельскохозяйственных рабочих в Херсонской губ., указывает, что конная молотилка требует от 14 до 23 и более рабочих, а паровая—от 50 до 70. В некоторых хозяйствах собирались по 500—1000 рабочих, цифра чрезвычайно высокая для земледелия. Капитализм дал возможность заменить более дорогой мужской труд женским и детским. Напр., в местечке Каховка, одном из главных рабочих рынков Таврической губ., где прежде собиралось до 40 тысяч рабочих, а в 90 годах прошлого века —20—30 тысяч, в 1890 г. зарегистрировано 12,7% женщин, а в 1895 г. уже 25%. детей в 1893 г. было 0,7%, а в 1895 г. уже 1,7%. Собирая рабочих со всех концов России, капиталистические экономии сортировали их по своим надобностям, создавая нечто подобное иерархии фабричных рабочих и т. д.

В 1897 г. на страницах наиболее распространенного тогда журнала «Русская Мысль» появился ряд статей «По вопросу о наемных рабочих в сельском хозяйстве». Автор статьи, вступивший со мною в личную переписку, широко использовал мои работы, как и других товарищей по совместной работе в Херсонской губ. Нашим работам о сельскохозяйственных рабочих уделил внимание в своих парижских лекциях и М. М. К о в а л е с к и й ; материалы наши широко затем использовал проф. К а р ы ш е в в своей книге «Труд, его роль и условия приложения в производстве» и М а с л о в в его книге «Положение сельскохозяйственной промышленности в России». Все-это я отмечаю, чтобы подчеркнуть, какой важный вопрос был выдвинут на сцену Херсонской санитарной организацией, и в этом была ее жизненность.'

Херсонские земцы, состоявшие в большинстве из владельцев обследуемых экономий, косо смотрели на наши работы, но не решались их приостановить. Для того, чтобы ослабить роль и значение санитарной организации, они выдвигали вопрос о ее реорганизации, не исключая и вопроса об ее закрытии или передаче всецело в руки уездов. Последнее, конечно, было бы ударом для организации, сильной своей общегубернской работой. Херсонская организация пережила этот ее кризис и дожила до революции.

Оставляя в стороне дальнейшие наши работы об отхожих сельскохозяйственных промыслах — я к ним вернусь еще при характеристике работ санитарных организаций в Воронежской и Саратовском губ. земствах, следующих этапов моей общественно-врачебной деятельности я остановлюсь здесь еще на другой работе Херсонской санитарной организации, имеющей большой научный и практический интерес. Я говорю об изучении дифтерийных эпидемий, имевших тогда — еще до открытия антидифтерийной сыворотки—обширное на юге России и злокачественное распространение. Работы в этой области покойного сан. врача С. Н. Краманенко и ныне здравствующих А. В. Корчак-Чепурковско-го и М. С. Уварова выдвинули вопрос о периодичности дифтерийных эпидемий, решая его утвердительно. Но, чтобы это положение прочно установить и научно обосновать, предприняты были большие медико-статистические обследования по смертности населения Херсонской губ., с выделением по метрическим записям смертности от дифтерии или аналогичных с нею заболеваний. Этими работами была установлена несомненная периодичность дифтерийных эпидемий, что позднее работами по Саратовской губ. было доказано и для скарлатинозных эпидемий. Позднее, именно в 1913/14 г. мною, в целях проверки периодичности дифтерийных эпидемий, по предложению Ф. М. Влукменцала, для издаваемого им «Сборника монографий по дифтерии» был обработан в общероссийском масштабе материал «О дифтерийных эпидемиях за 25 лет—с 1886 по 1910 г.», заимствованный как из отчетов главного медицинского инспектора, так и земских отчетов с мест. Эта работа, подтверждающая на этом обширном материале периодичность дифтерийных эпидемий, дала мне основание выставить в выводах первым такое положение: «дифтерийные эпидемии последних годов, принявшие необычайно обширное распространение, не являются случайным явлением, они возникли и приняли широкое распространение, как закономерное явление, как проявление их планомерного циклического течения в пространстве и времени». Должен, к слову сказать, что едва ли не первым в России я начал применять антидифтерийную сыворотку в борьбе с эпидемиями дифтерии в деревне. Укажу на опубликованную мною в 1894 г. небольшую работу «Опыт применения антидифтерийной сыворотки в с. Благодатном, Елизаветградского уезда». Туда я выехал, имея при себе всего 25 лечебных доз (флаконов) сыворотки, только что полученной из Парижа. Результаты были ободриТЕЛЬные: из 20 больных, леченных нами сывороткой,—умерло только чел., т.-е. 30%, тогда как до этого смертность была всегда выше 50%.

Из других работ за время моего участия в Херсонской организации, имеющих более или менее существенное значение, укажу на работы в общегубернском масштабе по борьбе с распространением в губ. сифилиса, трахомы, по изучению постановки медицинской и санитарной организации в городах и т. д.

В Херсонской же губ. пришлось вместе с другими товарищами бороться мне впервые в жизни с холерной эпидемией, широкой волной тогда прокатившейся по всей России, с сопровождавшими ее холерными «бунтами». Начало такого бунта, хотя и в ограниченных размерах, пришлось пережить и мне в 1892 г. В Елизаветградском уезде холера в начале осени впервые вспыхнула на границе с Ананьевским уездом и Подольской губ., именно в г. Ольвиополе. Этот сравнительно, небольшой город расположен рядом с Богопольем, Подольской губ., и Голтою, Ананьевского уезда, и во всех этих пунктах холера приняла сразу же значительное злокачественное течение. Губернской управой на меня была возложена борьба как в Ольвиополе, так и в Голте, так как тогда место санитарного врача в Ананьевском уезде было вакантно. Начал я свою работу в сопровождении прикомандированного ко мне врача с Ольвиополя, где первые два дня мы посвятили тщательному обследованию эпидемии; сначала мы обошли всех больных по домам, установили за заболевшим уход и назначили им лечение; затем обследовали внешние условия, способствующие развитию эпидемии, в частности обошли и осмотрели все источники водоснабжения (колодцы), часть из них, как очень загрязненные, закрыли, подыскали помещение для холерного барака и начали его оборудование. На 3-ий или на 4-ый день, точно не помню, в городской думе вечером, где собрались не только гласные, но пришло много и посторонней публики, я делал свой доклад-отчет, что нами, врачами, найдено, какой мы выработали и применяем план борьбы с этой ужасной эпидемией. Все шло хорошо, аудитория, по-видимому, внимательно слушала, но когда я стал выяснять роль открываемого нами холерного барака и доказывать необходимость более раннего изолирования и него больных, в зале поднялся сразу ужасный шум, крики, в воздухе появились стулья, скамейки — «что их докторов слушать, они ходят по городу и травят в колодцах воду»... «бить их, на Волге с докторами не церемонятся» и т. д. Но тут откуда-то появилась полиция во главе с прикомандированным к нам для помощи полицейским приставом. Полиция врзалась между нами и толпой, мы были отнесены и выведены из думы и были этим спасены. Пережитое тогда я и теперь вспоминаю с содроганием. Должен сказать, что явившаяся тогда нам на помощь полиция ожидала на нас нападения, в городе уже об этом ходили слухи, и потому полиция была наготове. Пристав, бывший во главе полицейского отряда, принимал затем и в дальнейшем участие в борьбе с холерою, причем сам ухаживал за больными, растирая их и проч. Сам он вскоре погиб от холеры на моих руках.

К сожалению, не вспоминаю фамилии этого небольшого по положению человека, спасшего, однако, мне и моим товарищам жизнь.

Вспоминаю теперь об этом ужасе, не могу также не вспомнить и такого характерного явления, уже юмористического свойства. Иду я по улице Ольвиополя года через два после описанного случая, как подходит ко мне один еврей: «Здравствуйте доктор, как ваше здоровье» и т. д. «Я вам очень благодарен доктор». «В чем дело?» я в недоумении спрашиваю я. «А вы не помните? Вы меня не узнаете? Вы помогли мне выйти в люди. Вы у меня в холеру лечили жену, ну она померла. Вы не виноваты, тяжелая была болезнь, вы тогда старались. Вы потом сделали у меня дезинфекцию, сожгли холерные вещи и хорошо заплотили. Я с этого начал торговать и теперь живу хорошо. Жалко было жену, но божья воля. Я теперь опять женился ...

Холерная эпидемия нарушила нашу налаженную санитарную работу в губернии. Первые холерные в губернии заболевания ранее Ольвиополя недели на две начались в Варваровке под Николаевым. Первые там меры были приняты М. С. Уваровым. Туда же для принятия мер полетели и губернатор и председатель губернской управы. До их приезда Уваров уже оттуда выехал, вызвав из Одессы санитарного врача Краманенко, как бактериолога, и поручив ему дальнейшую работу, сам же уехал, считая свое присутствие в центре более нужным. Это и было поставлено на вид нашему руководителю, главе нашей санитарной организации. Губернская управа под давлением губернатора предложила Уварову подать в отставку, что он и сделал. Узнавши об этом, мы, санитарные врачи на местах, были

глубоко возмущены и решили все выйти в отставку, но считали момент для этого неподходящим, чтобы не дать в руки наших противников материал обвинять нас, что мы испугались холеры и ушли с поля битвы. Заявление в управу мы все же сделали, настаивая на созыве совещания, как только холера затихнет. Такое совещание месяца через два и состоялось, губернская управа в лице ее председателя Н и к и т и н а признала себя виноватой перед организацией, именно в том, что она согласилась на увольнение заведующего санитарной организацией без обсуждения с нами мотивов к этому и согласилась на опубликование этого признания в местной и столичной прессе, что нами и было сделано. Но У в а р о в вернуться к работе не мог, и в его лице мы понесли несомненно большой урон.

Холерная эпидемия, грозившая распространением и в следующем году, заставила медицинский департамент созвать всероссийский холерный съезд, на котором я вместе с д-ром О. В. А п т е к м а н о м, ныне автором книги «Общество «Земля и Воля» 70-х г., только перед этим вступившим в нашу Херсонскую организацию в качестве уездного херсонского сан. врача, и были представителями Херсонской санитарной организации. Позднее от лица Херсонской же организации я участвовал и на Всероссийском съезде по борьбе с сифилисом. К этому последнему съезду мною был представлен доклад «О сифилисе в Херсонской губ. в связи с пришлыми в губернию сельскохозяйственными рабочими».

В 1896 г., после участия на IV Пироговском съезде в Киеве, я был приглашен в Воронежское губернское земство организовать там санитарное бюро и быть его заведующим. По соглашению с товарищами по Херсонской работе, я принял это предложение, как ранее меня на такую же работу перешел в Бессарабию и А. В. К о р ч а к - Ч е п у р к о в с к и й. Это, с одной стороны, поднимало значение Херсонской санитарной организации, дававшей таким образом возможность организовать в других земствах санитарные организации по типу Херсонской, с другой стороны, наш уход разряжал несколько тяжелую атмосферу, создавшуюся после вынужденного ухода из организации М. С. У в а р о в а и натянутых отношений у нас, старых работников, с губернской управой.

II. Воронежская санитарная организация (1896-1903 гг.)

В Воронежской губ. условия для работы, для заведывания открывшегося моим приездом санитарного отделения при губ. земской управе, оказались благоприятны. Здесь во главе губ. земской управы был известный в крае общественный деятель врач В. И. К о л ю б а к и н, неизменный участник Пироговских съездов врачей. В губернии работал, пока как деревенский врач, тогда еще молодой А. И. Ш и н г а р е в, впоследствии видный кадет, член государственной думы и министр земледелия, а потом финансов во временном правительстве в 1917 г. В губернском же земстве работал и известный для того времени статистик Ф. А. Щ е р б и н, автор «Крестьянских бюджетов». И наконец, в Воронеже работал и д-р С а б и н и н, состоя ординатором губернской больницы, издатель, редактор «Медицинской беседы».

Вспоминая теперь мое первое знакомство в Воронежской губ. с ее земскими работниками, я не могу здесь не вспомнить своих первых встреч с ними. Меня тянуло ближе всего познакомиться с А. И. Ш и н г а р е в ы м, с которым я, как и с В. И. К о л ю б а к и н ы м, впервые познакомился на V Пироговском съезде в Киеве, где благодаря этому знакомству и решил свой личный вопрос о переходе в Воронежскую губ. Обезд Землянский уезд, я по мог не заехать к А. И. Ш и н г а р е в у, сидящему тогда там на вольной деревенской практике, взяв с больных, и то только с тех, кто это мог платить, по 5 коп. за визит. Нас всех земских работников этот опыт очень интересовал, не вызывая, однако, горячего сочувствия, так как казалось, что там, где строится и растет земская медицина, не место уже этому кустарничеству. А. И. я нашел в его квартире— маленькой крестьянской хатенке, где за ширмою слышался писк только³ на днях родившегося у него сына. Таково было начало его общественной деятельности. Воскресает в моей памяти и В. И. К о л ю б а к и н. Не бросая своей частной практики, в большинстве бесплатной, он состоял одновременно председателем губ. земской управы. С большою черною бородою, ласковыми глазами и тихим спокойным голосом, он производил всегда чарующее впечатление. Обладая значительными средствами (он имел имение в 3 тысячи десятин), он жил очень скромно. Про него говорили, что он едва ли знал, что делает у него в имении его управляющий. Во время революции 1905 г. крестьяне, соседи с ним по имению, пришли к нему с такой речью: «Василий Иванович, мы тебя не хотим обижать, да и ты нас не обижал, почему мы тебе на прокорм и оставляем 100 десятин и усадьбу, а остальная земля, ты нас извини, уже наша; такое теперь время». И В. И. дал крестьянам свое согласие, поблагодарив за доброе к нему отношение. Вот с такими людьми и приходилось начинать работу в Воронежском губ. земстве. Выработав программу деятельности санитарного отдела при губ. управе, я, прежде чем ее внести на утверждение губ. земского собрания, объехал с нею все уезды, участвуя там в специально созванных уездными управами совещаниях, и заручился их поддержкой. Этот объезд дал мне возможность сразу же войти в непосредственное общение, как со всеми земскими врачами губернии, так и близко познакомиться с уездными земскими управами, их составом и тем вполне уяснить всю обстановку, среди которой я был должен работать. На этих совещаниях были намочены очередные подлежащие разработке и разрешению вопросы открываемой впервые в губернии обще-губернской санитарной организации.

Было бы долго рассказывать о всех почти семи годах, работы в Воронежском губ. земстве. В нижеследующем кратком перечне их я остановлюсь только на наиболее существенных моментах. С чувством глубокой признательности должен здесь же отметить высокопродуктивную работу моего ближайшего помощника по заведованию санитарным отделом д-ра П. Г. У с п е н с к о г о, позднее

³ Продолжение, см. «Гиг. и Эпид.» № 11, 1927.

заведующего Рязанским губ. санитарным бюро, члена 2 государственной думы от партии с.-р., и наконец, зав. Московским городским санитарным стат. бюро. С В. П. У с е н с к и м, сыном известного каторжанина, обвиненного по Нечаевскому процессу, У с п е н с к о г о и жены его А. И., сестры В. З а с у л и ч, я впервые встретился еще в Херсонской губ., куда он, будучи студентом, приезжал работать на одном из лечебно-продовольственных пунктов. Это был редкий по добросовестности работник, много сделавший для санитарного дела в стране. Умер В. П. в Москве в 1919 г., тяжело страдая от неизлечимой болезни, и в большой нужде на руках своей матери, души в нем не чаявшей. Сама А. И. У с п е н с к а я умерла позднее, в 1923 г., не успев закончить начатые ею воспоминания о Нечаевском процессе и годах каторги ее мужа.

Введение карточной регистрации больных, по примеру Московской и Херсонской губ., дало возможность собрать и обработать заболеваемость населения Воронежской губ. за 1898 и 1899 гг. и указать на главнейшие преобладающие заболевания — обширное развитие эпидемических заболеваний, в особенности дифтерии и скарлатины, малярии, сифилиса, трахомы и др. Материалы эти дали основание поставить перед губ. земским собранием вопросы об улучшении и расширении медицинской помощи, необходимости открытия в земских участках заразных отделений, специальных отделений для изоляции заразных сифилитиков и, наконец, открытия ряда междуездных медицинских участков, по примеру Московской и Херсонской губерний. Ко времени ухода, моего из Воронежской организации на территории Воронежской губ. работали уже 8 междуездных участков, всецело содержимым на средства губ. земства. Участки эти находились в глухих местах, охватывая группы селений пограничных 2—3 уездов. Все эти участки открывались обязательно с больничками, хотя бы с небольшими. Одним из таких участков, Гнездиловском в Землянском уезде, стал наведывать А. И. Ш и н г а р е в, вступивший к тому времени в работу вольно практикующего деревенского врача. А. И. в своей небольшой больничке вскоре широко развил большую хирургическую помощь, производя все необходимые операции, включая и тяжелые. Кое-где по уездам возникли бараки для сифилитиков с отдельными врачами сифилидологами по примеру Рамонских сифилитических барачков.

Губернские съезды врачей, на созыв которых губернская управа почему-то не решалась. Совещания эти, с их всегда широкою программой, заняли в земстве руководящее значение. К их голосу прислушивались и губернские собрания, проводя в жизнь многие из их постановлений. Совещания обратили на себя внимание и таких «высоких сограждан» среди местных помещиков, каковыми являлась принцесса Ольденбургская, имевший в своем имении на территории Воронежского уезда сахарный завод. Мною уже было сказано, что в имении ее были открыты специальные бараки и 12 коек для борьбы с сифилисом, там же были затем открыты и ясли-приюты. Участники одного из губернских врачебных совещаний были приглашены в ее имение Рамонь, где сама принцесса показывала членам совещания и этот барак и ясли-приюты, и затем за общим завтраком приветствовала гостей, отмечая большое значение совещания. Как же после этого Воронежским земцам не считаться было с постановлениями врачебного совещания?! Говоря об этой поездке, не могу не вспомнить врача Рамойского барака П. Х и ж и н а, нашего постоянного участника совещания, и как он нас инструктировал, объясняя, как надо нам держать себя, когда мы будем на приеме у принцессы, и даже обучая наших дам, женщин-врачей, неверансам.

Переходя в Воронежскую губернию из Херсонской, где все благосостояние помещичьих хозяйств основывалось на эксплуатации прошлого из «России» рабочего крестьянского люда, я ставил себе задачей продолжать свои работы об отхожих сельскохозяйственных промыслах. Воронежская губерния, хотя и была покрыта сетью частновладельческих экономий, относилась к группе губерний с значительными отхожими промыслами, среди которых на первом месте стояли отхожие сельскохозяйственные промыслы. Рабочие Воронежской губ. доходили и до Херсонской губ. Естественно вошло в программу санитарного обследования губернии изучения заболеваемости и вопрос о роли в этом отношении отхожих промыслов. Подходя так к вопросу при разработке медико-статистических материалов по заболеваемости населения Воронежской губ., мы начали выделять группы больных, принимающие участие в отходе, и посмотрели какие у этих групп имеются особенности в заболеваниях. Чтобы подойти к этому вопросу ближе, санитарное отделение решило, прежде всего, путем рассылки анкет по волостям собрать сведения о размере и характере отхожих промыслов. По сведениям, собранным таким путем за 1896 г., оказалось, что в отхожие промыслы уходит ежегодно свыше 120 тысяч чел. Сведения эти, разработанные по уездам и отдельным волостям, были затем, отпечатаны и разосланы участковым врачам, с просьбою проследить по амбулаторным обращениям больных за характером заболеваемости населения, принимающего участие в отходе.

Другим вопросом поставленным в программу санитарных обследований губернии, был на основании наблюдений в Херсонской губ. вопрос об учете повреждений при работах с сельскохозяйственными машинами и орудиями. По данным подворного общестатистического обследования губернии в 1884—1891 гг., только в 6 южных уездах губернии имелось около 8 тысяч молотилок и других сельскохозяйственных орудий и машин (не включая сюда плугов, которых было около 40 тысяч). Санитарное отделение для учета повреждений при работах с этими машинами выработало особую карты, которыми и снабдило участковых врачей. Собранные таким путем сведения показали, насколько действительно сильны в губернии повреждения среди населения, работающего с сельскохозяйственными машинами и орудиями. По собранным нами сведениям оказалось, что большинство повреждений (58%) падало па молотилки, при том, по преимуществу, на конные. Дальше характерно, что среди пострадавших 20% открытых в Воронежском уезде на средства принцессы Ольденбургской в ее имении.

Выполненная затем санитарным отделением губ. земства разработка материалов по смертности населения за время с 1899 по 1901 г. выдвинула вопрос о борьбе с колоссальною в губернии детской смертностью. В делах борьбы с последней поставлен был вопрос об устройстве в деревнях летних яслей-приютов, которыми постепенно и стала покрываться губерния. Так уже в 1901 г. в губернии работало 45 яслей; средства на это

давались, гласным образом, губ. земством, а частично и уездными земствами. В деле управления яслей-приютов все время активное участие принимала А. И. Шингарев и В. П. Успенский. В следующем 1902 г. количество яслей-приютов по губернии было доведено до 98. Этот год был голодным, со всеми его спутниками — цингой и последующими эпидемиями. Из общего количества яслей-приютов 55 были открыты в голодающих местностях и носили скорее характер детских столовых. Санитарной организации приходилось принимать деятельное участие и в помощи голодающим открытием не только яслей-приютов, но и врачебных амбулаторий и столовых. В помощи голодающим в губернии тогда принял участие Красный Крест в лице прибывшего из центра уполномоченного С. А. Александровского, с которым в качестве его сотрудника приехал известный статистик-литератор Н. Ф. Анпенский, с которым я познакомился еще раньше во время его ссылки в г. Свияжск. Приезд П. Ф. вместе с Александровским заставил нас пойти навстречу планам Красного Креста по организации помощи голодающим. В организации этой помощи принял близкое участие и находившийся в то время в Воронеже, недавно вернувшийся из ссылки в Сибирь В. Я. Яковлев, известный, как один из редакторов журнала «Былое», под фамилией В. Я. Богучарского. Помню еще в числе сотрудников по организации столовых и дочь Г. И. Успенского. С. А. Александровский, живой по натуре человек, не был чужд общественным тогдашним настроениям и, привлекая, к себе сотрудников из земских кругов и при их содействии, добивался успешных результатов в организации помощи голодающими, достигал цели. Позднее, после революции 1905 г. С. А. занимал пост губернатора в Пензе и был там убит.

Возвращаясь к работам по заведыванию санитарным отделением, к борьбе с эпидемиями, должен еще отметить наличие в губернии постоянных оспенных эпидемий. Отделением был поставлен на очередь вопрос об устройстве собственного губернского оспенного телятника и дело это было осуществлено, что значительно содействовало более широкому проведению в губ. оспопрививания¹.

Отмеченными уже выше работами о смертности населения по губернии было выделено несколько местностей (приходов) с необычайно высокою смертностью, в особенности детской. Среди таких местностей едва ли не на первом месте оказалась деревня Н. Животиное, Воронежского уезда, неподалеку от Гнездиловского участка, где работал А. И. Шингарев. Последний взял на себя все детальное обследование этого вымирающего селения и произвел там подворное обследование по специально составленной программе при участии такого опытного статистика, каким являлся Ф. А. Щербин. Это обследование и поныне является образцовым в этом направлении работой.

Губ. санитарное отделение, выполняя широкую практическую врачебно-санитарную программу и опираясь на всю врачебную организацию губернии, собирало почти ежегодно общегубернские совещания врачей, заменившие

¹ Этим телятником заведовал затем д-р М. А. Морозов, состоящий ныне директором Центр, госуд. оспопрививательного института. Ред.

приходилось на детей до 15 лет, из них 6% на детей моложе 10 лет. Собранные и обработанные, такие вопиющие факты указывали на необходимость, издания обязательных санитарных постановлений в целях предупреждения печальных случаев при работах с сельскохозяйственными машинами. Работы санитарных организаций в Херсонской и Воронежской губернии в области учета столь частых и притом нередко тяжелых повреждений при работах с сельскохозяйственными машинами и орудиями были затем приняты во внимание сельскохозяйственным советом при министерстве земледелия и государственной промышленности, где был поставлен вопрос о необходимости принятия мер к устранению несчастных случаев при работе с этими машинами. Совет этот в 1903 г. пришел к необходимости проведения ряда мер, а именно: 1) ввести повсеместную регистрацию несчастных случаев при работе с с.хозяйственными машинами; 2) предлагать отечественным заводам с. хозяйственных орудий и машин, а равно представителям иностранных заводов снабжать приготовляемые ими с. хозяйственные машины простейшими предохранителями, 3) предоставить земствам составлять обязательные постановления относительно снабжения с.-хозяйственных машин необходимыми предохранителями и т. д. Отмечаю я это здесь для того, чтобы показать, что работы сан. организаций не всегда были бесплодны, к ним нередко должны были прислушиваться даже и правительственные учреждения. А между тем, в самих земствах санитарные организации не всегда под собою чувствовали твердую почву. В земствах не, раз ставились вопросы о целесообразности этих организаций, при чем ряд земств дальше сан. отделений не шел, посчитан излишним тратить средства на сан. врачей в уездах. Нельзя не остановиться на одном вопросе, долгое время не находившем в земской медицинской организации правильного освещения, и как-то стоявшем вне общего прогресса,— я говорю о губернских земских больницах, этом наследии доземских приказов общественного призрения. Росла и крепла участковая земская медицина, возникали сельские земские больницы росла в деревнях специальная хирургическая помощь, в целях усовершенствования поездки участковых врачей на медицинские повторительные курсы, поездки за границу и т. д. Все это поднимало значение сельских земских больниц. Конечно, и губернские земские больницы не отставали от общего прогресса земской медицины, они тоже улучшались, но это улучшение не приближало губ. больницу к сельскому населению, которое стало обходиться собственными больницами. Губернские земские больницы все более и более делались больницами, обслуживающими только городское население по преимуществу'. А раз так, то возникал вопрос, допустимо ли тратить на них общеземские средства. При постановке этого вопроса психиатрические отделения губернских больниц, все более и более улучшавшиеся и расширявшиеся, тут исключались, их общегубернское значение было вне сомнения. Вопрос о роли и значении губ. больниц поставлен был и на наших Пироговских съездах, и мне пришлось по поручению правления этих съездов выступить на VII Пироговском съезде в Казани с основным докладом «К вопросу о реорганизации

губернских больниц». Доклад вызвал большие и оживленные прения, в результате которых были приняты почти все положения докладчика. Так, было признано, что в общегубернском строе земско-медицинской организации соматические отделения губ. больницы имеют только местное значение, и трата огромных сумм на их содержание является несправедливостью по отношению ко всей массе земских плательщиков. Одновременно VII Пироговский съезд постановил поручить правлению съездов обратиться в губернские земства с просьбой вопрос о реорганизации губернских больниц внести на обсуждение ближайших губернских съездов и совещаний земских врачей и представителей земств.

В связи с этим обращением Воронежским губ. земством был поднят вопрос о реорганизации губ. земской больницы. В результате такой постановки вопроса Воронежская губ. земская больница, едва ли не первая из всех таких больниц, была реорганизована, постановка в ней медицинского дела была поднята на должную высоту. В деле этой реорганизации принял активную роль назначенный старшим врачом д-р А. Н. Меркулов, недавно (1924 г.) умерший в Москве. Благодаря его энергии, II его организаторским способностям и удалось реорганизовать, хотя далеко неполно, губернскую земскую больницу.

Останавливаясь здесь далее на вопросе, так много волновавшем и земство и нас, земских врачей,— вопросе о роли губернских больниц, не могу не отметить их бесспорного значения в подготовке фельдшерского персонала. Правда, фельдшерские земские школы были не при всех губ. больницах; в числе этих немногих занимала видное место Воронежская больница с ее 4-классной фельдшерской школой. Роль в земской медицине фельдшеров была велика. Когда земская медицина поставила ребром вопрос о т. наз. фельдшеризме, вопрос этот, конечно, дебатировался не раз, и притом страстно, на Пироговских съездах. К слову сказать, это была борьба с фельдшеризмом, а не борьба с фельдшерами; роль и значение последних, как ближайших сотрудников врачей при их работе в больницах и участках, не отрицалась. Мне в качестве преподавателя эпидемиологии, гигиены и статистики пришлось участвовать в подготовке к земской работе фельдшеров, учащихся в Воронежской фельдшерской школе. У меня до сих пор «сохранилось самое отрадное воспоминание об этой молодежи, обычно непосредственно вышедшей из крестьянской среды и стремившейся снова вернуться в деревню. С частью своих учеников по Воронежской школе я встречался и позднее, как, напр., с Н. М. Петровым, одним из видных деятелей профессионального Движения медицинских работников.

Еще один вопрос, нашедший более или менее значительное применение в Воронежской губ., это введение в школах горячих завтраков. Инициатором этого дела здесь была женщина-врач А. А. Ростовцева, ныне здравствующая, работающая школьным врачом в Московской организации. Она первая у себя в участке в Землянском уезде устроила школьный прилавок и дала в нашей «Воронежской санитарной хронике» подробный отчет, показав, насколько прилавок содействовал успешности занятий. С этого времени школьные прилавки начали устраиваться в ряде школ, причем Воронежское уездное земство первое включило в свою расходную смету статью на школьный приварок. Мною лично была написана брошюра о значении школьного прилавка, распространенная по всем школам. В голодные годы школьные прилавки включались в ряд мер помощи голодающим, на что Красный Крест в лице его уполномоченного С. А. Александровского давал нужные средства.

Работая в Воронежской губ. и ставя ряд вопросов, так близко связанных с предшествующими работами по Херсонской губ., я случайно снова получил возможность продолжать мои санитарные обследования рынков найма сельскохозяйственных рабочих, распространив это обследование на Донскую область и Сев. Кавказ. Дело в том, что в 1902 г. в Петербурге открывалась Всероссийская Кустарная Выставка, на которой по «отделу трудовой помощи» было решено осветить постановку и деятельность врачебно-продовольственных пунктов, открываемых общественными организациями на рынках найма сельскохозяйственных рабочих. От комитета попечительства трудовой помощи, по рекомендации М. С. Уварова, тогда работавшего в Петербурге, я получил предложение взять на себя обработку уже собранного комитетом в этом направлении материала. Работу эту я охотно принял на себя, но затем, расширяя ее, поставил условием - дать мне возможность, в виду скудости доставленного материала, лично объехать ранее не обследованные Донскую область и Сев. Кавказ, куда ежегодно на летние работы направлялось огромное число с.хозяйственных рабочих. Комитет с этим согласился, поставив мне условием собранные мною материалы обработать для напечатания в журнале «Трудовая Помощь», причем литературный гонорар и должен был компенсировать меня за мои расходы по объезду областей.

Таким путем мне удалось объехать и обследовать ряд рынков найма с. хозяйственных рабочих в указанных областях. Это мое обследование, конечно, не могло ограничиться только непосредственным осмотром рынков найма и регистрацией там по нашей Херсонской программе найденных во время осмотра пришедших для найма рабочих в окружных центрах Новороссийске, Владикавказе, и Екатеринодаре и др., мною были собраны все, хотя и скудные, имеющиеся в соответствующих учреждениях материалы, освещавшие эти вопросы. Эти обследования, несмотря па всю их поверхность и спешность, дали все же немало ценного материала и, прежде всего, показали, насколько тяжело положение многотысячной рабочей массы, приходившей издалека, нередко пешком, для найма на летние сельскохозяйственные работы. Мною были также рассмотрены несколько крупных сельскохозяйственных экономий, как, напр., громаднейшее владение барона Штенгеля на Кубани, куда занималось до 3 тысяч рабочих и где я застал в работе одновременно до 10 паровых молотилок. Новым для меня вопросом явилось включение в мою программу обследования табачных плантаций. Здесь положение наемных рабочих было прямо-таки вопиющее, кричащее. В этом я лично убедился, побывав, прежде всего, на рынке найма рабочих на табачные плантации и осмотрев затем ряд табачных плантаций вблизи ст. Крымской. Хуже всего было то, что на табачных плантациях большинство рабочих были девушки от 16—17 лет, а нередко и подростки в 12—13 лет. Выло бы долго и теперь мало интересно говорить обо всем том, что пришлось тогда видеть и слышать отрицательного, как на рынках найма, не имевших никаких приспособлений для защиты рабочих и непогоды, так и в сельскохозяйственных экономиях и особенно на табачных плантациях. Всесильный тогда

капитал всюду властвовал, рабочие всюду были принижены, обезличены, им негде было искать защиты и отдав все свои силы алчным нанимателям, своего рода рабовладельцам, они возвращались домой больными и без денег.

Свои обследования того времени я, как было условлено, напечатал в журнале «Трудовая Помощь», выпустившей затем мои статьи отдельным изданием в 2 выпусках под заглавием «Рынки найма сельскохозяйственных рабочих на юге России в санитарном отношении и врачебно-продовольственные пункты». Обработанные материалы диаграммы и фотографии были выставлены в 1902 г. на Кустарной Выставке.

В Воронежской губ. производились затем как мною лично, так и другими врачами работы в области изучения санитарного состояния школьников. В Воронеже и затем по уездам начали открываться летние курсы для учителей и учительниц земских школ, куда я стал приглашаться читать Лекции по вопросам школьной гигиены. Как это ни странно, по такое предложение мне было впервые сделано от организаторов курсов для учителей и учительниц церковно-приходских школ, для которых я и провел свой первый курс. Здесь в числе слушателей я раз видел самого архиерея. Когда стали организовываться губернским земством курсы для земских учителей, мною был поставлен вопрос о включении в их программу курса школьной гигиены, что и было принято. Результатом моего участия на курсах, было издание сначала Саратовским губ. земством, а затем К. А. Гиккером книжки «Беседы по гигиене в применении ее к народной школе». Книжка нашла большой спрос среди учителей и земских врачей и в течение ближайших 10 лет выдержала 8 изданий. К сожалению, теперь мне не удастся переработать эту книжку применительно к новой трудовой школе, с ее живой работой, с ее близостью к природе, с ее стремлением дать детям и грамоту и привить любовь к трудовым процессам.

Так уже складывалось в моей долгой жизни, что моя врачебно-общественная деятельность временами неожиданно нарушалась и мне приходилось, для продолжения работы, идти в другую губернию в новую обстановку. Так случилось со мной и в Воронеже, перед моим переходом в Саратовское губ. земство.

История, о которой я сейчас сообщу — довольно громкая. Бывший тогда министр внутренних дел П л е в е открыл очаг революции в Воронеже и для ликвидации его командировал своего решительного товарища З и н о в ь е в а . История эта уже описана И. Б е л о к о н с к и м на страницах «Былого» (июль 1907 г.), в его статье. Как известно, в 1902 г. по губерниям были открыты уездные, под председательством предводителей дворянства и губернские, под председательством губернаторов комитеты по нуждам сельскохозяйственной промышленности. В воздухе чувствовалось тогда приближение революции. Комитеты эти должны были явиться по мысли их творца С. Ю. В и т т е своего рода громоотводами против надвигающейся революции. Мне лично пришлось принять участие в работах Воронежского уездного и губернского комитетов, выступая там с 2 докладами. Первый из докладов я посвятил вопросу «Об упорядочении движения сельскохозяйственных отхожих промыслов, преимущественно, с санитарной стороны», второй доклад касался вопроса с детской смертности, роли в этом летних яслей-приютов и будущей мелкой земской единицы. Доклады мои, казалось, ничего революционного не содержали; тем не менее во втором моем докладе товарищ министра З и н о в ь е в усмотрел преступные мысли и учинил мне допрос. В уездном комитете председательствовал уездный предводитель дворянства И. Т. А л и с о в , известный своим либеральным образом мыслей, давно уже бывший на подозрении у губернаторов. В работе комитета участвовало много земцев, были и крестьяне, были также приглашены Ш и н г а р е в , Б у н а к о в , известный педагог, д-р М а р т ы н о в и др. В своей вступительной речи И. Т. А л и с о в , охарактеризовав тяжелое положение крестьянства с его малоземельем, говорил, что нужно откровенно заявить правительству, что нынешнее положение дел дальше терпимо быть не может. В своей затем очень горячей, всех нас захватившей речи И. Ф. Б у н а к о в , человек уже пожилых лет, указал, что нужно немедленно восстановить в полной мере те учреждения, которые были намечены в первые годы царствования Александра II, а затем отменены. Нужно также добиться немедленно полного освобождения личности, свободы слова, свободы печати и широкого развития самостоятельности общества. Наконец, д-р А. В. М а р т ы н о в , бывший народоволец, отбывший ссылку в Сибири, выступил с докладом, который был заслушан нами раньше к дому докладчика. В этом как бы предварительном совещании участвовали В. И. К о л ю б а к и н , А. И. Ш и н г а р е в , Д. А. П е р е л е ш и н , пишущий эти строки и др. Охарактеризовав вкратце современное состояние края, А. В. М а р т ы н о в предложил обратиться к министру внутренних дел с представлением о необходимости передачи вопроса о нуждах сельскохозяйственной промышленности и вопросов правового и экономического благосостояния государства на обсуждение всероссийского всесословного представительного учреждения с тем, чтобы входящим в состав его выборным представителям была гарантирована законом необходимая для обсуждения вопросов свобода слова и неприкосновенность личности. Это всенародное представительство мыслил А. В. М а р т ы н о в с ним соглашался и уездный комитет в виде созыва «земского собора». Из других участников комитета нельзя не отметить еще доклада А. И. Ш и н г а р е в а — о финансовой политике государства, о необходимости ее реформы и о введении подоходного налога. Все эти вопросы нашли отклик и поддержку и в губернском комитете, заседавшем под председательством губернатора П. А. С л е п ц о в а , позднее убитого в 1907 г. в Твери, где он снова был губернатором. Обо всем этом было доложено министру П л е в е , находившемуся в это время с царем в Крыму. Плевэ, возмущенный всем происходившим, немедленно командировал для расследования «революции» З и н о в ь е в а , одновременно вызвав в Крым для разноса губернатора. По предписанию Плевэ С. В. М а р т ы н о в был арестован и отправлен в Петербург, туда же был вызван департаментом полиции и Н. Ф. Б у н а к о в , З и н о в ь е в ы м был вызваны к допросу В. И. К о л ю б а к и н и ряд других лиц. Допрашивал нас всех Зиновьев у себя в номере в гостинице, каждого в отдельности. Дошла очередь до меня. Вошел, получил приглашение сесть. «Вы врач,— начал Зиновьев,— Ваше дело лечить, а Вы требуете мелкую земскую единицу. Это революция,— не дело. Что общего между Вашей деятельностью и мелкой земской единицей?» Пытаюсь Зиновьеву объяснить, почему нам,

санитарным врачам, нужна мелкая земская единица, указываю па высокую в губернии смертность детей, на значение в борьбе с нею широкой организации яслей-приютов. Их, однако, мало и мелкая земская единица может дать им прочное положение. «Что Вы меня дурачите,— рассмеявшись, говорит Зиновьев,— знаю я ваши ясли, знаю, зачем они нужны. Так знайте же и другим передайте — не будет вам мелкой земской единицы». Допрос мой тянулся около $\frac{1}{2}$ часа. Память мне изменяет передать другие обвинения, да едва ли это и интересно. Вся эта история закончилась тем, что губернатор был смещен, д-р М а р т ы и н о в сослан в Архангельск, Б у н а к о в и Щ е р б и н а—в места их родины, П е р е л е ш и н смещен с должности члена губ. управы, а остальные все — К о л ю б а к и н, А л е к с а н д р о в, Ш и н г а р е в, П е р е в е р з е в и я, хотя и уцелели, но были оставлены под сильным подозрением, в чем лично мне вскоре и пришлось убедиться. На этом закончилась революция воронежцев с их ходатайством о созыве земского собора.